

УДК 82-94
ББК 63.3
Н 34

Наумов Л. А.

Н 34 Сталин и НКВД / Леонид Наумов. — М. : Алгоритм, 2013. — 352 с. — (Правители и спецслужбы).

ISBN 978-5-4438-0463-7

Сталин и НКВД – это история напряженных отношений вождя народов и его всемогущих спецслужб. Впервые вся правда о том, был ли заговор спецслужб, зачем НКВД требовались регулярные чистки и кто кого «переиграл» в конечном итоге. Новейшее и самое актуальное на сегодняшний день исследование вопроса.

Автор – один из крупнейших специалистов по истории спецслужб сталинского периода. Использованные им источники ранее никогда не были доступны широкой публике.

**УДК 82-94
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4438-0463-7

© Наумов Л. А., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

*Книга посвящена моим родителям
Анатолию и Алле Наумовым*

ВСТУПЛЕНИЕ

В марте 1948 года на Лубянке между следователем МГБ В.А. Мотавкиным и арестованной Надеждой Александровной Улановской произошел очень показательный диалог. «Я пыталась его убедить, что я советский человек, — вспоминала Улановская. — Сказала: «Не верю, что вы всерьез думаете, что я шпионка». «Если бы мы руководствовались тем, что мы думаем, мы бы пол-Москвы посадили, — ответил следователь. — Сейчас не 37-й год. Когда мы берем человека, мы точно знаем, что он совершил преступление. Мы не думаем, а знаем, что вы — шпионка. Но шпионы бывают разные. Не обязательно быть завербованной, состоять где-то в списках. Вы давали иностранцам шпионские сведения, потому что вы настроены антисоветски».

Надо заметить, что в чем-то следователь был прав: Улановская действительно была «настроена антисоветски», но «шпионские сведения» иностранцам вряд ли передавала. Просто была откровенна (более, чем следовало бы в то время) с западным журналистом левых взглядов Д. Блонденом, написавшим в 1946 г. роман «Комната на трассе».

Но какая показательная формулировка: «Сейчас не 37-й год!» И как рано — уже в 1948 г.

До сих пор мы часто слышим эту фразу: «сейчас не 37-й год» или наоборот «это же 37-й год». Эти события так глубоко отпечатались в сознании современников, что стали такими же символами как «Октябрь Семнадцатого», «Великий перелом», «22 июня», «9 мая»

Кажется что причин этого две: труднообъяснимая, на первый взгляд, гибель сотен тысяч людей и ощущение иррацио-

нальности решений, которые принимает Власть. Каждый из этих факторов в отдельности не привел бы к такому сильному влиянию на общественное сознание. Именно сочетание Иррациональности и Трагедии формирует «образ 1937 года».

Однако «37-й год» начался не убийством Кирова или речью Сталина на февральско-мартовском пленуме. Этот «год» не закончился арестом Ежова в феврале 1939 г. Предпосылки событий уходили в 1918 г., а последствия были заметны и спустя двадцать лет...

Позиция автора этой книги может быть выражена в нескольких тезисах. Возникнув вскоре после прихода к власти большевиков, ВЧК с самого начала оказалась втянута в напряженную борьбу за власть. Уже тогда в систему была заложена возможность того, что чекисты при определенных обстоятельствах смогут играть самостоятельную политическую роль. К лету 1938 г. это случилось — мощнейшая спецслужба вышла из-под контроля высшего политического руководства. Иррациональность трагедии объясняется, прежде всего, этим фактором «двоевластия». Каждый из участников борьбы принимал политические решения, исходя из своей логики, и страна не понимала, что именно происходит. Последствия трагедии оказались настолько серьезными, что и спустя десятилетия к этим событиям возвращались, пытаясь разобраться, что, собственно, произошло.

Ответственность за трагедию несет вся политическая элита СССР второй половины 30-х. 60—0% этих людей погибли в результате «чистки». Остальные 30%, и в том числе Сталин, выжили, от этого их вина, не меньше, но и не больше. Единственное их отличие в том, что они могли объясниться с потомками. Они попытались это сделать, оставив официальные документы и мемуары. Теперь мы можем, выслушав их, сделать свой вывод. Это была преступная ошибка. В чем она? В том, что позволили идеологии затуманить свою голову, а политической целесообразности заглушить совесть. В том, что кровь, пролитая в годы междоусобия, ничему их не научила.

В дальнейшем все участники политической борьбы в нашей стране пытались использовать «эффект 1937 года» в своих интересах: рассматривали как возможный прецедент, пытались избежать или пугали возможностью повторения...

Книга посвящена, прежде всего, отношениям между руководством партии и спецслужб, наиболее подробно изучалась возможность партийного аппарата контролировать чекистов и попытки руководства НКВД-МВД играть самостоятельную политическую роль. Именно поэтому участие органов ОГПУ в проведении социалистических преобразований и роль НКВД в годы Великой Отечественной войны не описаны в этой книге. Лишь очень условно события могут быть описаны как «противостояние Партии и ВЧК-НКВД». На самом деле, роли постоянно менялись, и борьба шла между сильными политическими группировками, которые лишь условно связаны были с Лубянской и Кремлем (точнее, Старой площадью).

Специфика исследования в том, что оно основано на изучении и интерпретации статистического материала, характеризующего ход массовых репрессий и эволюцию социального и национального состава руководителей НКВД. Обычно историки используют статистический материал о репрессиях как иллюстрацию бесчеловечной политики режима. Часто спор идет о количестве жертв, но принципиальный подход не меняется. Однако количество жертв — это следствие реальных поступков сотрудников НКВД. Если «цифры» больше средних по стране, то одних «дел», если меньше средних, то других «дел». Если выяснится, что эти цифры в разных регионах отличаются на порядок, то это следствие разной позиции чекистов. Тогда «слова» (официальные документы и мемуары) нужны нам для того, чтобы объяснить причины этих расхождений — интерпретировать «дела». Этот подход привел меня к тем же выводам, которые сформулированы «школой ревизионистов» (А. Гетти и др.). Кажется, что при интерпретации отдельных событий 1938 года уместно также использование «уликовой парадигмы» К. Гинзбурга.

Другим специфическим исследовательским приемом является попытка проследить судьбы чекистов, отмеченных знаком «Почетный работник ВЧК — ОГПУ». В 20—30-е гг. у офицеров ОГПУ-НКВД часто не было возможности получить награды. Поэтому кавалеры этой ведомственной награды представляли собой круг («орден») наиболее опытных и влиятельных чекистских руководителей. Их судьбы очень рельефно иллюстрируют (а части и указывают) тенденции эволюции кадрового

состава ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД. Они оказываются индикатором направления ротации в чекистской среде не только в 30-е годы, но и в 1946—1953 гг. Смерть Сталина предоставила этому кругу возможность второй раз попытаться взять под свой контроль политическое развитие СССР.

Это книга продолжает исследования, начатые в работах «Борьба в руководстве НКВД 1936—1938 гг.» и «Сталин и НКВД». Выводы, сделанные в этих книгах, событиях 30-х гг. дополнены описанием истории формирования круга «Почетных чекистов» и изучению их роли в послевоенной истории.

Хочу выразить искреннюю благодарность жене Галине Наумовой, которая постоянно оказывала огромную помощь в работе.

«ПОЧЕТНЫЕ ЧЕКИСТЫ»

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Когда 7(20) декабря 1917 года постановлением Совета Народных Комиссаров была образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), никто еще не мог предположить, какое будущее ожидает эту силовую структуру. Более того, вряд ли кто-то вообще предполагал, что организация просуществует много десятилетий. Слово «чрезвычайная» давало основание предполагать, что ВЧК создана на небольшой срок. Впрочем, история нашей страны тесно связана с историей спецслужб, и наверное, часть руководства большевиков допускала, что «что-то такое потребуется».

Уже в начальном этапе у ВЧК было два врага: основной и второстепенный. Основной — «контрреволюция», второстепенный — «саботаж». Разница между ними была в том, что для советской власти «контрреволюция» — «внешний враг» (не по отношению к стране, а по отношению к самой власти). «Контрреволюция» — это «монархисты, буржуазия, кулаки, церковники».

А «саботажники» — это «внутренний враг», чиновники. Власть. Точнее, часть Власти, которая не подчиняется политике партии большевиков. Саботаж — это «сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». Задача борьбы с саботажем была поставлена перед комиссией Дзержинского зимой 1917 г., когда большевики столкнулись с сопротивлением чиновников. Их саботаж был быстро сломлен, и затем чекисты переключились на контроль за военспецами в РККА. Кажется, что многие характерные черты системы сформировались уже тогда, в «эпоху Дзержинского».

Во-первых, Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая должна была защищать власть рабочих и крестьян Со-

ветской России, была по своему составу не «рабоче-крестьянской». В декабре 1918 г. среди руководящих работников комиссии из рабочих было 34,3%, из крестьян — 2%, а остальные по своему происхождению были служащими или интеллигенцией. К концу гражданской войны ситуация, правда, несколько изменилась: из рабочих было 64,6%, из крестьян — 1%. За годы гражданской войны в руководстве ВЧК служащие составляли 33%, интеллигенция 27%, рабочих 14%.

Во-вторых, крайне специфическим был национальный состав первых чекистов. На 25 сентября 1918 из 372 сотрудников более 48% были латышами, 30,4% — русскими, а 9,4% — евреями. Иными словами, в 1918 году ВЧК имело ярко выраженное «латышское лицо». Этому факту много объяснений. Играло роль и активное участие латышей в революционном движении, а латышских стрелков — в Октябрьской революции. Но огромное значение имел и «личный фактор» — роль Якова Христофоровича Петерса и Мартина Яновича Лациса в руководстве ВЧК. Конечно, это не могло не создавать проблем для руководства ВЧК, особенно если учитывать, что образовательный уровень латышских коммунистов был не очень велик, а русский язык многие из них знали плохо (если вообще знали).

В дальнейшем Дзержинский пытался выправить ситуацию, активно привлекая к работе представителей других национальностей. В значительной степени этому способствовал отъезд многих латышей в 1919 г. на родину в Советскую Латвию. Уже к середине 1919 г. половину управленцев составляли русские, роль евреев стала заметной в среднем звене и достигала 21%. Из 17 членов Коллегии ВЧК русских было 10 человек, латышей — 3, поляков — 2, также в этот орган входил один еврей и один белорус. На 1 декабря 1921 г. в Коллегии было 4 русских, 4 еврея, 3 поляка, 3 латыша, 2 украинца.

В-третьих, образовательный уровень чекистов был довольно низким. Высшее и незаконченное высшее образование имели 12,6%, среднее — 29%, начальное (или самообразование) — 56,3%.

В-четвертых, в «эпоху Дзержинского» ВЧК оказалась втянута во внутривластную борьбу. Все началось с конфликта между Дзержинским и Петерсом. Формально это был конфликт между Дзержинским и партийной организацией в ВЧК, которая целиком находилась в руках латышей.

Здесь надо сделать одно важное отступление. Как известно, в марте 1918 года Советское правительство по инициативе Ленина заключило Брестский мир с Германией. Вместе с тем и среди большевиков, и среди их союзников, левых эсеров, было много противников мира. Среди большевиков — противников «Бреста» (т. н. «левыми коммунистами») были Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, А. Бубнов и другие. В партии большевиков «левые коммунисты» были в меньшинстве, а среди левых эсеров противники «Бреста» преобладали. Если бы «левые коммунисты» и левые эсеры выступили единым фронтом, мир был бы сорван.

Несмотря на то, что левые эсеры, протестуя против «Бреста» вышли из СНК, из руководства ВЧК они не вышли. Интересно, что Дзержинский придерживался такого же мнения, что и руководство левых эсеров, и хотел сохранить последних в ВЧК.

По мнению Капчинского, определенную роль в этой позиции Дзержинского играла совместная борьба левых эсеров и левых коммунистов против Брестского мира. Впрочем, возможно, что руководитель ВЧК понимал, что если левые эсеры уйдут, то он столкнется с дефицитом квалифицированных кадров.

В начале июля в Москве собрался V Съезд Советов, который должен был ратифицировать Брестский мир. 6 июля 1918 года сотрудник ВЧК, левый эсер Яков Блюмкин убил посла Германии Мирбаха. Блюмкин вошел в здание посольства, предъявив документы, подписанные Дзержинским. Потом Феликс Эдмундович утверждал, что печать ВЧК на документах подлинная, но его подпись поддельная. Расчет Блюмкина и тех, кто за ним стоял, был в том, что известие о смерти Мирбаха вызовет поддержку большинства делегатов Съезда Советов, от эсеров до большевиков, в порыве революционного энтузиазма съезд одобрит убийство «посла империалистической Германии» и разорвет Брестский мир.

Однако Ленин и Свердлов, напротив, использовали убийство Мирбаха для того, чтобы разгромить партию левых эсеров и избавиться от оппозиции. В Москве прошли столкновения между отрядом ВЧК, которым командовал левый эсер Д. Попов, и дивизией латышских стрелков, которая поддержала Ленина.

Какова роль Дзержинского в этих событиях? Узнав о теракте, он отправился в расположение отряда ВЧК Попова и по-

требовал выдать ему Блюмкина. В ответ левые эсеры арестовали Дзержинского, одновременно большевики арестовали фракцию левых эсеров на Съезде Советов. Так или иначе, но 6-7 июля председатель ВЧК находился в штабе Попова. Когда латышские стрелки по приказу СНК начали обстрел квартала, занятого левыми эсерами, Дзержинский мог погибнуть под артиллерийским огнем.

На чьей стороне был Дзержинский 5—6 июля 1918 года? Как уже говорилось выше, он был противником «Брестского мира». Более того, Фельштинский приводит, с моей точки зрения, убедительные доказательства того, что руководитель ВЧК знал (подозревал?), что Блюмкин готовит убийство немецкого посла, но не остановил его. «Дзержинский ..., — по мнению историка, — «...безусловно, знал, что Мирбах будет убит на днях. Но ничего не предпринял. И более того, Дзержинский знал, что 6 июля Блюмкин отправится к Мирбаху. А скорее всего, знал и то, что во время этой встречи Блюмкин Мирбаха убьет».

Однако председатель комиссии ничего не сказал Ленину о своих «подозрениях». Кроме того, и после 6 июля 1918 г. Дзержинский считал, что некоторых левых эсеров можно оставить на службе в ВЧК и даже привлекать новых. Более того, спустя год сам Яков Блюмкин сдался советским властям, перешел на работу в ВЧК и при Дзержинском сделал там быструю карьеру. Кажется, что есть основания согласиться с версией Фельштинского. В этом случае получается, что Дзержинский рассчитывал, что удастся сохранить коалицию большевиков и левых эсеров на «антибрестской платформе революционной войны».

Интересно, что именно это обвинение выдвигалось против обвиняемых во время процесса «право-троцкистского центра» в марте 1938 года. «Уже в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В.И. Ленина как главы Советского правительства. Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В.И. Ленина, И.В. Сталина и Я.М. Свердлова, и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для

маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и «левых» эсеров».

Конечно, государственный обвинитель Вышинский искажает события:

— никто не собирался убивать Ленина, и Бухарин, признавая факт своих переговоров (консультаций) с левыми эсерами, категорически отрицал планы убийства вождя партии: «Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении».

— к лету 1918 года позиция Троцкого уже изменилась, и он активно участвовал в проведении политики Ленина, и боролся против левых эсеров 6 июля;

— Сталин находился в Царицыне, и вряд ли его арест входил в первоочередные планы «заговорщиков».

Но Вышинский утверждал, что:

1) **«левые коммунисты»... оказывают «левым» эсерам организационную и политическую помощь** (выделено мной.. — Л. Н.);

2) совместными действиями «левых» эсеров и «левых коммунистов» должно быть свергнуто правительство Ленина и сформировано новое правительство в составе «левых коммунистов» и «левых» эсеров. После этого «левые» эсеры организовали убийство Мирбаха и июльский мятеж. **В курсе готовившегося убийства Мирбаха и июльского мятежа «левые коммунисты» были полностью»** (выделено мной.. — Л. Н.). Фактически это обвинение в адрес Дзержинского.

Правда, в документах 1938 года не фигурировало имя Дзержинского, что само по себе показательно. Сталин обвиняет Н.И. Бухарина и В.А. Карелина в сговоре с целью убрать «правительство Ленина- Свердлова- Сталина» и сорвать мир с Германией. Понятно, что Сталин не хочет (пока) называть имя Дзержинского, но показательно, что он не упоминает о нем вообще. То есть ни ВЧК, ни ее председатель не упоминаются как сила, которая могла бы сорвать «заговор».

Конечно, Сталин хотел подорвать авторитет руководителя ВЧК. На февральско-мартовском пленуме 1937 года он вдруг «внезапно» вспомнил, что Дзержинский тоже был троцкистом. Потом развернул эту мысль на заседании Военного Совета в июле 1937 г.: «Дзержинский голосовал за Троцкого, не просто голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине про-

тив Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось». Сталин, скорее всего, имеет ввиду «профсоюзную дискуссию» 1921 года, в которой Дзержинский действительно был на стороне Троцкого и участвовал во фракционных собраниях. Правда, ничего не известно о том, что «все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого». ГПУ тогда еще не было, а мемуаристы свидетельствуют, что Дзержинский в тот момент, напротив, был готов уйти из ВЧК. На фракционном собрании троцкистов «Феликс Эдмундович попросил слова и выступил очень взволнованно: «Товарищи, вы называете мою кандидатуру в члены ЦК, вероятно имея в виду, что я буду продолжать работу в качестве председателя ВЧК. А я не хочу, а главное — не смогу там больше работать. Вы знаете, моя рука никогда не дрожала, когда я направлял карающий меч на головы наших классовых врагов. Но теперь наша революция вступила в трагический период, во время которого приходится карать не только классовых врагов, а и трудящихся — рабочих и крестьян — в Кронштадте, в Тамбовской губернии и в других местах. Вы знаете, товарищи, что я не щадил своей жизни в революционной борьбе, боролся за лучшую долю рабочих и крестьян. А теперь и их приходится репрессировать. Но я не могу, поймите, не могу! Очень прошу снять мою кандидатуру».

Утверждая, что «активный троцкист» Дзержинский «все ГПУ хотел поднять на защиту Троцкого», Сталин сознательно (или бессознательно) создает впечатление, что Дзержинский был на стороне троцкистов в 1923—1926 гг., что, конечно, неверно. В 1922 году он поддержал Сталина и Орджоникидзе в «грузинском деле», чем вызвал резкую критику Ленина, и затем начал активно бороться с троцкистами. «Наиболее верных соратников, первых своих соратников, Сталин нашел в Орджоникидзе и Дзержинском. Оба они находились в своем роде под опалой Ленина», — вспоминал потом Троцкий.

Зачем Сталину исказить прошлое, подрывая образ «рыцаря революции» спустя 20 лет? Если бы Дзержинский был жив, то, конечно, он мешал бы сталинской монополии, но если его уже нет, его образ, как «образ Ленина» и «образ Свердлова», наоборот удобно использовать для сталинской пропаганды,

тем более, что и лгать особенно не надо: Дзержинский действительно активно боролся с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Кажется, разгадка в том, что «образ Дзержинского» оказался очень сильным и подсознательно Сталин чувствовал, что он не может быть так просто использован. Наоборот, он бы конкурировал с «образом Сталина». Как известно, и друзья, и враги признавали высокие моральные качества Дзержинского, такие, как его бескорыстие и самоотверженность. «Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его», — рассказывал Троцкий.

«Я возненавидел богатство, так как полюбил людей, так как я вижу и чувствую всеми струнами своей души, что сегодня... люди поклоняются золотому тельцу, который превратил человеческие души в скотские... и изгнал из сердец людей любовь... Помни, что в душе таких людей, как я, есть святая искра... которая дает счастье даже на костре... вместе с кучкой моих ровесников дал клятву бороться со злом до последнего дыхания», — записал в дневниках молодой Феликс и, кажется, смог сохранить верность идеалом юности.

Он начал жизненный путь, как искренне верующий католик, который затем разочаровался в Боге, но сохранил многое из духовного настроя христиан. По сути, Дзержинский пережил ту драму, которая была характерна для русских революционеров в 60—70-е гг. XIX века, для поколений Чернышевского и Желябова. На рубеже веков и Ленин, и Бухарин формировались уже в другой, светской и атеистической среде, и духовные переживания предшественников были им неизвестны. Дзержинский был среди них «белой вороной».

Для того, чтобы правильно оценить роль этой личности в советской истории, надо отметить несколько важных особенностей формирования кадров ВЧК — ГПУ.

Во-первых, по справедливому замечанию Бажанова, руководству партии нужен был именно такой человек во главе спецслужбы. Власть чекистов была очень велика, искушения использовать ее для личного обогащения слишком сильны. Именно поэтому во главе комиссии необходим был бескорыстный человек, который «ходит в гимнастерке с заштопанными локтями и в старой шинели». Нужен был человек, кото-

рый сможет противостоять коррупции и злоупотреблениям. Насколько остро стояла проблема, можно пояснить, приведя лишь один пример. В мае — июне 1918 года была создана Контрольно-ревизионная коллегия (КРК) ВЧК, перед которой была поставлена задача борьбы со злоупотреблениями со стороны сотрудников ВЧК. Все понимали, что в условиях чрезвычайной ситуации таких случаев будет много. Однако, уже через полгода, в декабре 1918 г., был арестован заместитель председателя именной этой комиссии Ф.М. Косарев. Его обвиняли в вымогательстве крупной денежной суммы у женщины, которая хотела спасти арестованного мужа. В деле были замешаны и другие члены коллегии, в феврале 1919 г. Косарева расстреляли. Безусловно, Феликс Эдмундович отлично подходил на роль непримиримого борца с злоупотреблениями самих чекистов, и сотрудники знали, что «договориться не получится».

Во-вторых, для ВЧК была характерна своеобразная система подбора кадров. В центральном аппарате в годы гражданской войны практически не была предусмотрена возможность для сотрудников среднего звена «сделать карьеру» и занять руководящие должности. А при подборе кадров среднего и младшего уровня основную роль играла система «личных рекомендаций». Кажется, что система кланов, которая станет доминировать в 30-е годы, начала формироваться еще тогда, в 1919—1921 гг. Троцкий потом напишет, что «Дзержинский действительно не был организатором в широком смысле слова... Он *привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью* (выделено мной. — Л.Н.) но не своим методом».

В-третьих, данные о расстановке чекистских кадров в 1919—1921 гг. подводят к выводу, что ротация сотрудников центрального аппарата возрастала прямо пропорционально их должностному положению. Из 8 членов Коллегии ВЧК (март 1919) к 1922 г. остался один Дзержинский. Иными словами, в глазах среднего и младшего звена работников комиссии Феликс Эдмундович к 1922 году оказался единственным руководителем, который стоял у истоков ВЧК. Он был, так сказать, «носителем традиции» спецслужбы.

После его смерти руководство ОГПУ дважды пыталось ввести награду «Орден Дзержинского». Первый раз это произошло в 1927 году. Ягода утвердил инициативу учреждения

«ордена имени Дзержинского для награждения чекистов, отличившихся на работе в боевой обстановке». Спустя два дня соответствующие предложения были направлены в ЦИК СССР и ЦК ВКП(б). Как можно предположить, понимания чекисты не встретили. Однако здесь необходимо учитывать, в какой ситуации появилась эта инициатива. Летом 1926 года в РВС СССР возникло предложение учредить «орден Ильича». Им предлагалось награждать лиц, имеющих четыре ордена Красного Знамени. К 1928 г. таких было четыре человека: В.К. Блюхер, С.С. Вострецов, И.Ф. Федько, Я.Ф. Фабрициус.

Понятно, что чекисты шли по пути, который был проложен руководством РККА. Однако сам орден Ленина был учрежден лишь в 1930 г., и появление «ордена Дзержинского» раньше, чем появился орден Ленина, видимо, показалось преждевременным. Вместо этого был выпущен памятный знак-жетон с профилем основателя ВЧК.

Второй раз руководство ОГПУ попыталось учредить «орден Феликса Дзержинского» в 1932 г. В.Р. Менжинский направил Сталину предложение, в котором говорилось, что «специфические условия работы органов ОГПУ требуют от оперативного состава личной выдержки, инициативы, беззаветной преданности партии и революции, личной храбрости, зачастую сопряженной с риском для жизни. В большинстве случаев эти исключительные заслуги перед революцией совершаются отдельными работниками в обстановке, которую нельзя отнести к боевой в общепринятом смысле, вследствие чего ряд работников ОГПУ, несмотря на заслуги, остаются не отмеченными высшей наградой — орденом «Красное Знамя»».

Проект ордена Дзержинского повторял орден Красного Знамени размером и формой. Различия были в том, что в центре красной звезды, вместо серпа и молота, расположен барельеф Дзержинского в лавровом венке. На месте факела находился меч, а в нижней части вместо слов «РСФСР» (затем «СССР») была надпись в две строки «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Известны и другие варианты проекта «ордена Феликса Дзержинского».

Фактически эта награда должна была для чекистов заменить орден Красного Знамени. На записке Менжинского генеральный секретарь ЦК ВКП(б) написал «Против. Ст[алин]».

Можно только догадываться о мотивах сталинского отказа. Вероятно, он считал, что не надо ставить Дзержинского на один уровень с Лениным, а может быть хотел указать чекистам их место. Так или иначе, эта история хорошо иллюстрирует роль образа первого председателя ВЧК в воспитании нескольких поколений сотрудников спецслужб. Безусловно, что она гораздо более значительная, чем та роль, которую играли личности первых народных комиссаров по военным делам или главковерхов РККА при воспитании красных командиров. **По сути, «образ Дзержинского» представлял самостоятельный архетип в советской культуре.**

Для нашего исследования важно, что именно в эпоху Дзержинского начал формироваться своеобразный образ ВЧК как «авангарда партии». Этому способствовал и кадровый состав сотрудников, который был «партийным», но «инородным». На это влияла и миссия ВЧК — «беспощадная борьба с контрреволюцией», которая предъявляла повышенные требования к кадрам. Кроме того, формированию передового образа ВЧК способствовала готовность руководства спецслужбы принять активное участие во внутрипартийной борьбе.

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ И ПЕРВЫЙ НАРКОМ

«Взлет Ягоды начинается после смерти Дзержинского, когда во главе ОГПУ [был] поставлен Менжинский. Однако, в связи с тяжелой болезнью и лежачим образом жизни, реальное управление делами сосредотачивается в руках Ягоды», — утверждает с своих мемуарах М. Шрейдер.

Этот миф («возвышение Ягоды началось только при Менжинском») очень распространен в отечественной литературе. Однако на самом деле прав А.М. Плеханов, который справедливо утверждает, что «Ягода был верным соратником и другом Дзержинского». Феликс Эдмундович действительно покровительствовал Генриху Григорьевичу Ягоде, что иногда пытались объяснить его национальностью. Так, Троцкий ошибочно полагал, что все дело в том, что Дзержинский «по личным связям, естественно, собирал вокруг себя поляков». Другие считают, что председатель ВЧК «неровно дышал» к евреям-чекистам.